

«Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш. ... Возвещайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои».

(Ис. 40: 1-2)

«Где найти мне слова
Для возвышенной песни живой».

Н. Заболоцкий.

ЖИВОЕ СЛОВО

Во грехах родились...

Фаина СОЛОМАТОВА

Продолжение.
(Начало в №1)

Лелеяли родители Фенюшку. Ей было восемнадцать, когда родилась сестренка Варвара, мать Катюшки. И в этот же год началась война. Отца сразу же призвали на фронт. Собирали Фенюшка с матерью дорожную котомку и плакали. А глядя на них, подтягивала и шестимесячная Варюшка. Не верилось, что где-то люди убивают друг друга, что льется кровь, которую Фенюшка видела только, когда мать щипала зарубленных кур. Если же собирались убавлять животину, она заранее уходила из дому или, закрывшись в горнице, затыкала уши и укрывалась подушкой. "Скусная кровушка-то?" - вспоминались и стучались молоточками слова Ефимки. Ноги слабели, руки опускались, как плети, начинало подташнивать. Отца они провожали далеко за деревню. Маленькая Варюшка крепко спала у материнской груди. Фенюшка шла, вцепившись в отцовское плечо. Лето стояло жаркое. По высокому небу бродили тучки. Сладко пахли клевером поля. - Травы-то вызрели, а не кашивать нынче, видно, - вздохнул отец, - трудно вам будет, девчонки.

- Да всяко ненадолго. Кончится заварушка, и домой возвратишься. Правда, Варюшка? - мать старалась улыбаться, но у нее плохо получалось.

- Проснулась Варвара-краса, - протянул отец руки к малышке, - дай-ка я попестую крохотулю мою сладкую.

- Я-да, да-я-да, - лепетала Варюшка. Тянула пухленькие ручонки к отцу. Улыбалась, показывая два зубика. А вот когда подошли к тракту, где ждали подводы, послышался плач. Варюшка заголосила. Взрослый народ на миг стих, и все смотрели на малое дитя. Она стихла. И тут раздался гром. Резкий и оглушительный.

- Пресвятая Богородица, помилуй и защити нас, грешных, - выдохнула толпа, крестясь вразнобой.

Засверкало, загрохотало. Выползла темносиняя туча, рассекаемая молниями, которые с треском кромсали ее на

куски. И брызнул дождь, крупный и редкий. Набрал силу и полил стеной. Мужики, мокрые, как большие птицы, расселись по телегам, и подводы тронулись. Бабы смотрели вслед, но ливень скрыл отъезжающих. Дождь скомкал прощание, ускорил разлуку. В опустевшую деревню возвращались нехотя. Фенюшка несла Варюшку на руках. Платье девочки намокло, и она прижималась к Фениной груди, шаря ручкой за пазухой.

- Ма-ти, ти-ти, - капризничала малышка. - Вот придем домой, и мама даст Варюшке титю, - ласково уговаривала Фенюшка сестренку. Укрыла платком, боясь, что маленькая может простудиться.

- Погода и та скорбит по мужикам нашим, - вздыхали бабы.

- Меня бы лучше вместо вашего батюки забрали. А начальство, видать, в резерве оставило...

- Ефимка! Откуда ты взялся? - удивилась Фенюшка.

- Приехал с новобранцами. Теперь хочу у вас пожить. Тетка моя умерла на днях. Опять осиротел, - пожаловался Ефимушка.

- Вроде у него опять не все дома, - зашушукались бабы.

- Не бойтесь меня, бабоньки. Я вам вреда не причиню. А что Илюхе учудил, так за обиду. Война-то, может, в испытание нам послана. Грехов-то звон сколько накопили, - рассуждал Ефимушка.

- Ефим, а Ефим, а ты давай пастухом у нас служи, - загалдели бабы.

- В Заветлужье пас у чапников вместе с колхозным стадом. Исправно выходило, - похвалился Ефимка.

- Ну вот! Неужто с нашим гуртом не сбарадуешь?

Бабы оживились, встретив Ефимушку. Появление его скрасило на миг горькую минуту. Но вести долгие разговоры никому не хотелось. Все разбрелись по своим домам. Ефимка встал на постой у одной такой бабки, Пелагеи. Она и раньше привечала сироту. Жалела и любила Ефимку, как родного сына. На следующее утро он приступил к своим обязанностям. Бабы напутствовали нового пастуха:

- Упаси Бог, Ефимушка, до клевера доберутся...

- Увижу, бабоньки, не переживайте. Ну-у, пошли. Пошагали, пеструшки, краснушки, серушки! Маси, кыш! - шугнул Ефимка остановившихся овец.

- Полно переживать-то. Ровно маленький Ефимка. Ус-

мотрит, - успокаивала Пелагея, ручаясь за своего квартиранта.

Действительно, Ефимка исправно выполнял пастушьи обязанности. Стадо возвращалось из лесной поскотины с раздутыми боками.

- Анна, у вас Марта сегодня покрывалась, запомни число, - предупредил Ефимка.

- Неужели? - встревожилась Фенина мать, - а я утром и не приметил ничего за ней.

- С обеда с Буяном уединились. Дело в шляпе. - уверил пастух.

- Что я вам говорила! Да у Ефимки разума на всех нас хватит, - улыбулась Пелагея.

С Феней Ефимка здоровался кивком головы. Разговоры они не вели, как и прежде. Да и не тянуло Фенюшку к Ефимке. До пустых ли разговоров сейчас? Опустили деревенские улицы. Тихо и глухо стало на подворьях. Смейлись и пели только дети несмысленные. Вскоре почталыонка стала разносить военные треугольнички, адресованные в деревню под названием Владыкина гора. Редкие письмеца, но такие желанные и долгожданные. Время-то было тягучее и сумрачное. Хоть и птицы поют - заливаются, и солнце печет - жарит по-сумасшедшему, а ежятся бабы и девки. Холдит страх за мужей, братьев и женихов. Близкие и дорогие люди в чужой, дальней стороне-стороншке, долю несут тяжкую, а рядом пули разгуливают. Там жизнь человеческая обрывается легко. Смертонец ничтолку перекусит, и не станет человека. Война Фенюшку не щадила. Мать от Варьки лишней раз отрывал не хотелось. И за себя, и за мать приходилось пластаться. В первую же военную зиму попала на лесозаготовку. Мороз стоял сильный. Видимо, холода удались за летнюю жару. Стужа без ветра переносилась легче, но северко шалил почти каждый день. В лесу еще не так доставалось от его злых порывов, но, когда вывозила бревна из делянки, до костей щипал сердитый буран. На открытом месте лихач гуляет с присвистом. Тычет льдыстыми иглами, слепит глаза. Закуржевает Фенюшка, будто Снегурочка. На теплую печку хочется. А где взять тепло в лютую непогоду! Зорька напрягается, тянет тяжеленный воз. Покроется спина испариной.

- Но-о, сердечная! - старается перекирчать вьюгу девушка, прыгивая с саней. Под удццы лошадь подхватит:

- Ну, поддай еще, милая! Умная лошадь сделает

рывок и быстрее переставляет натруженные ноги, мотая в такт шагов заиндевелой мордой. Зыркнет темными глазами в сторону Фенюшки, мол, ступай в сани, не пугайся, где не следует.

- Только с дороги не сбейся, Зорюшка, - говорила Феня, усаживаясь на бревна, - тебя Орленок дома дожидается, а меня - мама с Варькой.

Зорька кивнет головой. Умная, опытная лошадь. Издали видят указатели дороги: палки, натканные по краю обочины. Затихнет пурга, утихомирится ветер. На небе засветятся редкие звезды. В сумерки они тускло мерцают, а с приходом ночи разгораются все ярче и ярче. Замерзшая Феня мечтает о лете. Но больше прихода лета ей хочется, чтобы кончилась война. К весне бы... Но не кончалась, а прожорливо втягивала в кровавое месиво все новые и новые жертвы. Будто зерно в жерновах крутило и ломало это ненасытное чудовище людские судьбы. И Фенюшку, не успевшую отдохнуть от работы в лесу, отправили рыть окопы. Пусть на лесозаготовках тяжело, но там хотя бы дом рядом был, люди родные и знакомые. И вот на чужбине, в дальней стороншке. День и ночь ухают и взрываются снаряды, в небе гудят свои и вражьи самолеты. И как только зловеющие птицы появляются на горизонте, девушки кидаются в ров, на землю, вскопанную своими руками.

- Господи, спаси нас грешных, - шепчет Феня. Крестик нательный в руке зажимает.

- Читай молитву, Фенюшка, - просят девушки, - чтобы фашисты убрались скорее.

Стонет растерзанная земля. Вздыхает черная волной высоко к небу. Солнце тускнеет от дыма и пепла, пугливо прячется за облако. Не хочется ему освещать происходящее яркими, ласковыми лучами. Ни к месту ласка и нежность. Здесь нужна защита. А солнце защитит и поможет не в силах. И вот в такой погожий июльский денек из-за леса вылетели вражьи бомбардировщики и вновь принялись ровнять землю с небом. Оглушило Фенюшку. Не слышит она ничегошеньки. Отправили домой. Обрадовалась девушка несказанно. На товарняке доехала до своей станции. Путь неблизкий и опасный, но за те двое суток, что пришлось ехать, происшествий не было. От станции сто верст с гаком - пешком надо одолеть. Может, и попала бы попутная машина, но разве Фенюшка будет томиться в ожидании. И полетела девушка, словно на крыльях, в родную Владыкину гору. Утомится - присядет на обочину. Гудят уставшие ноги, а в душе радость играет.

- Варюшка, поди, забыла меня. Плохо, что я ничего не слышу.

Долго не отдыхает. Вско-чит и айда, вперед. Только пятки сверкают. Немало отмахала Феня, но за день сто верст не одолеть. Потемки сгущаются, и туман в лощинах перины мягкие расстилать начал.

- Не осилила, - вздохнула девушка и свернула к стугу сена. Запах трав духмяного луга быстро убаюкал остав-

шую Фенюшку. Сразу провалилась в мягкую зыбкую дрему. И качают ее в колыбельке то мать, то отец, а то Варюшка. Дух захватывает у Фени. К полтолку взлетает зыбка, только скрипит оцеп. Как страшно вылететь и ушибиться! Потом видится ей, что сама укачивает Варюшку и поет ей песенку. Розовощекая, с белыми кудряшками, сестренка дурачится. Вдруг все это вмиг исчезает, и на нее набрасывается с хриплым, надтреснутым лаем Музгарка, страшно скаля зубы.

- Музгарка, не узнал меня?

Он смотрит на Феню мутными глазами и лижет ей щеку.

- Полно, не балуй, что ты слюнявишься?

Фенюшка старается отстраниться от собачьей неопрятной ласки. Но пес нагло лезет к девушке, сваливает с ног. Дышит на нее смрадным запахом, шарит по груди.

- Пошел вон, дурак! - сердится Феня. - Еще и крестик мой осквернишь, - и пытается спихнуть Музгарку.

А пес словно прилип к ней. Бесстыже и нахально обра-щается с девушкой.

- Погоди, сейчас сладко будет, - рычит собака и тычет липкой мордой в губы.

Фенюшка пытается кричать, но пес зажал ей рот своей вонючей лапой, дыша ей в лицо табачным и винным перегаром.

- Ну, я тебя сейчас наломлю, Музгарка! - наконец-то она вырывается из собачьих лап.

С остервенением дубасит пса, не боясь укусов в ярости.

- У-ух, благая, - рычит собака.

Фенюшка открывает глаза. Первое, что она увидела - оскал желтых зубов и нечистый волосатый рот, но не Музгаркину пасть, а человеческого рот. Сразу узнала.

- Илюха, побойся Бога! - выдохнула девушка.

Мужик вздрогнул, растерялся. Фенюшка с такой силой отшвырнула его от себя, что он отлетел метра на два. Схватила вилы и пошла на обидчика.

- Остынь! Запорешь, так кому хуже-то сделаешь? - выдал белый, как полотно, Илюха, - подумай, шуткой обнял...

- Расскажу Ефимке. Он тебе, рябой, еще фейерверк устроит, - процедила сквозь зубы Феня и отшвырнула вилы.

- Да я не знаю, кто ты. Думал, пришла беженка. Разве бы я стал к знакомой клинья подбивать...

- Ох ты, старый жлоб! Беженку так можно и обидеть. Люди от горя бегут, спасаются. Ненароком наткнутся на такого зверя и сгорят в беде!

- Полно чернить-то. Не знаю тебя...

Илюха ухмылялся, приходил в себя.

- Врешь, что не знаешь. Зато я тебя запомнила, как ты храм на Владыкиной горе зорил. А кто Ефимку жердиной огрел?

- Было-то при царе Горохе... Нашла, кем страшать, дураком блаженным. Обоих вас надо...

Феня схватила котомку и побежала по тракту. Верст

пятнадцать отмахала на одном дыхании, не оставиваясь. Бежала и редела. Злилась на себя, проклинала Илюху. Если бы знала, что так произойдет, разве легла бы спать на чужом лугу?! Да на каком чужом, она же дома, считай!

- Уж не сделал ли он что со мной?

Девушка свернула с дороги и зашла вглубь ельника. С опаской огляделась, и стала себя обследовать. Боли Феня не помнила. Хотя знала, что должно быть больно. Но сон был слишком крепкий: может, заспала? Отсыпалась ведь за многие тревожные, жуткие ночи, не остерегаясь, не опасаясь. А кого бояться в родном краю? Война далеко, небо чистое, земля не стонет. Зверь не тронет. А человек, выходит, может...

- Чести он меня не лишил, - успокоилась девушка.

И вновь принялась реветь. Слезы катились крупными градинами. Проревевшись, вылезла из чахры. Весело чирикали и щебетали птицы. Жужжащие шмели с усердием трудились на розовых головках клевера. Длинными трелями трещали кузнечики. Такое знакомое разноголосье...

- Я слышу-у!

Девушка запрыгала от радости. Вихрем сбегала к реке и прямо в одежде бултыхнулась в воду. Накупалась и надурчалась до озноба. Выстирала одежду, чтобы не осталось ненавистного запаха. Ветерок быстро высушил юбку и кофту. И чем ближе к дому, тем быстрее и громче стучит, волнуется сердечко.

Свернула с большака на проселочную извивающуюся между полями и лугами дорожку, до того знакомую, что можно шагать с завязанными глазами и не собьешься.

А вот и она, Владыкина гора, прильнувшая к речному изгибу, взбегающая на холм. Милая и родная деревенька! Фенюшка стала искать, выщипывать глазами свой дом. Да вот же он! Подошла к калитке. В груди - тук-тук, стучат, звенят колокольчики - дзинь-дзинь-дзинь. Сиреневый куст свесился через ограду на улицу. Ветка ласково задела лицо, как будто поцеловала. Брякнула железной скобой дверь. Взошла по чуть-чуть поскрипывающей лесенке своей.

- Мама, - позвала девушка.

На зов никто не откликнулся.

(Продолжение следует).

Илюха ухмылялся, приходил в себя.

- Врешь, что не знаешь. Зато я тебя запомнила, как ты храм на Владыкиной горе зорил. А кто Ефимку жердиной огрел?

- Было-то при царе Горохе... Нашла, кем страшать, дураком блаженным. Обоих вас надо...

Феня схватила котомку и побежала по тракту. Верст

пятнадцать отмахала на одном дыхании, не оставиваясь. Бежала и редела. Злилась на себя, проклинала Илюху. Если бы знала, что так произойдет, разве легла бы спать на чужом лугу?! Да на каком чужом, она же дома, считай!

- Уж не сделал ли он что со мной?

Девушка свернула с дороги и зашла вглубь ельника. С опаской огляделась, и стала себя обследовать. Боли Феня не помнила. Хотя знала, что должно быть больно. Но сон был слишком крепкий: может, заспала? Отсыпалась ведь за многие тревожные, жуткие ночи, не остерегаясь, не опасаясь. А кого бояться в родном краю? Война далеко, небо чистое, земля не стонет. Зверь не тронет. А человек, выходит, может...

- Чести он меня не лишил, - успокоилась девушка.

И вновь принялась реветь. Слезы катились крупными градинами. Проревевшись, вылезла из чахры. Весело чирикали и щебетали птицы. Жужжащие шмели с усердием трудились на розовых головках клевера. Длинными трелями трещали кузнечики. Такое знакомое разноголосье...

- Я слышу-у!

Девушка запрыгала от радости. Вихрем сбегала к реке и прямо в одежде бултыхнулась в воду. Накупалась и надурчалась до озноба. Выстирала одежду, чтобы не осталось ненавистного запаха. Ветерок быстро высушил юбку и кофту. И чем ближе к дому, тем быстрее и громче стучит, волнуется сердечко.

Свернула с большака на проселочную извивающуюся между полями и лугами дорожку, до того знакомую, что можно шагать с завязанными глазами и не собьешься.

А вот и она, Владыкина гора, прильнувшая к речному изгибу, взбегающая на холм. Милая и родная деревенька! Фенюшка стала искать, выщипывать глазами свой дом. Да вот же он! Подошла к калитке. В груди - тук-тук, стучат, звенят колокольчики - дзинь-дзинь-дзинь. Сиреневый куст свесился через ограду на улицу. Ветка ласково задела лицо, как будто поцеловала. Брякнула железной скобой дверь. Взошла по чуть-чуть поскрипывающей лесенке своей.

- Мама, - позвала девушка.

На зов никто не откликнулся.

(Продолжение следует).

